

УДК 947.084.3(471.313)
DOI: 10.17223/19988613/47/8

О.А. Тарасов, С.А. Васильева

ДЕЛО О «СИМУЛЯЦИИ РАССТРЕЛА ПОПОВ» В РЯЗАНСКОМ ГУБЕРНСКОМ КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ОСЕНЬЮ 1919 г.

Исследуются малоизученные проблемы истории становления уголовно-исполнительной системы Советской России в годы Гражданской войны. В этот период, параллельно с тюремной системой, доставшейся наркомату Юстиции в наследство от Российской империи, органами Всероссийской чрезвычайной комиссии была организована и передана в ведение Наркомата внутренних дел система концентрационных лагерей принудительных работ. Цель статьи – на примере данных Рязанской губернии осветить типичные проблемы и особенности организации подобных лагерей на местах.

Ключевые слова: Рязанская губерния; Гражданская война; губернский карательный отдел; Рязанский губернский концентрационный лагерь принудительных работ; принципы исправительно-трудоустройственной политики.

На сегодняшний день деятельность первых советских концентрационных лагерей периода гражданской войны и «военного коммунизма» остается одной из малоизученных проблем российской истории. Современные исследователи имеют возможность, опираясь на воспоминания современников и доступные архивные данные, разносторонне и подробно изучать историю концентрационных лагерей принудительных работ Советской России, в которых предусматривались оплата работ заключенных, отпуска на праздники (в том числе и религиозные!) и сельскохозяйственные работы, а также, для отдельных категорий, возможность проживания вне лагеря. По своему облегченному режиму эти первые лагеря заметно отличались от поздних советских лагерей эпохи ГУЛАГа и, вполне естественно, не имели ничего общего с концентрационными лагерями смерти нацистской Германии. И хотя за последнее время появился целый ряд работ обобщающего характера, они лишь подтверждают тот факт, объективное исследование этой темы далеко от завершения. Прежде всего это касается изучения и осмысления регионального материала. К примеру, до сих пор практически отсутствуют комплексные и объективные исследования истории Рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ.

В данной статье, посвященной событиям первых месяцев организации и деятельности рязанского лагеря, авторы на основе архивного материала попытались проследить источник возникновения одного из самых стойких мифов о расстрелах заключенных, якобы осуществлявшихся за высокой монастырской стеной.

По свидетельствам современников, в Рязанской губернии начиная с лета 1919 г. невинное, вроде бы, обещание «отправить в Рязань в монастырь» или «послать в дворянское и купеческое собрание» стало означать вполне определенную угрозу для его адресата. В это время в Рязани на территории бывшего Казанского Явленского женского монастыря был открыт губернский концентрационный лагерь принудительных работ. Он просуществовал с августа 1919 по февраль 1923 г. и в этот период его деятельность стала одним из замет-

ных факторов административно-политической и социально-экономической жизни губернии. Многие из того, что происходило за монастырскими стенами, вызывало страх и тревогу у местного населения, поэтому практически сразу после открытия вокруг нового учреждения стали возникать тревожащие население слухи. Администрация лагеря не стремилась афишировать свою деятельность, а после его закрытия все документальные свидетельства оказались на долгие годы недоступными для исследователей. В их распоряжении остались лишь рассказы современников, довольно часто наполненные все теми же слухами и мифами. Открыл эту традицию А.И. Солженицын, посвятивший рязанскому концлагерю несколько страниц своего «Архипелага ГУЛАГ»: «Глубоко сидели лагерные корешки, только потеряли мы их места и следы. О большей части первых концлагерей нам уже никто не расскажет. Лишь по последним свидетельствам еще неумерших тех первых концлагерников можно выхватить что-то и спасти. <...> В Рязани концлагерь учредили тоже в бывшем женском монастыре (Казанском). Вот что о нем рассказывают...» (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены.) [1. С. 14].

Однако и после открытия массивов документальных источников образцы мифологизации истории рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ зачастую воспроизводятся в средствах массовой информации¹. Продолжаются и попытки вписывания его реальной противоречивой истории в рамки уже сложившейся односторонней концепции «еще одного проявления кровавого террора большевиков». Примером такого подхода является издание Рязанского общества «Мемориал». Стремление не выходить за рамки «концепции» и трактовать не вписывающиеся в нее данные, очевидно, привело автора раздела о Рязанском концлагере к фактическим ошибкам и неточностям. Так, опираясь на документальные свидетельства, автором было сделано утверждение о наличии в лагере «карательной роты уездного военного комитета», что не соответствовало действительности [2. С. 43]. Данная ошибка происходит от неверного толкования сокращений, принятых в

документах того времени: каррота – караульная рота, военком – военный комиссариат. Однако такие погрешности оказались «говорящими» в пользу «концепции», тем более что они не противоречили напечатанным в том же издании показаниям главной свидетельницы Анны Горасевой, по воспоминаниям которой в лагере «гоняли на тяжелые работы, не считаясь со здоровьем, обессиленных расстреливали, но многие просто умирали сами от отсутствия пищи и тяжелой работы».

Создание системы концентрационных лагерей принудительных работ стало одним из первых результатов новой пенитенциарной политики советского государства в годы Гражданской войны, проводившейся «в обстановке насилия, произвола и импровизации» [3. С. 41]. Первая волна организации подобных учреждений прошла весной 1919 г. Тогда они появились прежде всего в Москве и Петрограде. Во вторую волну, летом–осенью 1919 г., лагеря были открыты еще в 21 городе, в том числе Рязани.

Первичная организация рязанского лагеря была поручена губернской чрезвычайной комиссии. Для размещения лагеря принудительных работ была выбрана территория Казанского Явленского женского монастыря, занимавшего целый квартал на окраине города между улицами Монастырская, Вознесенская, Затинная и Владимирская. История деятельности Рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ в монастырских стенах началась 1 августа 1919 г. В этот день был занят корпус в левой половине монастыря, а монахини были переселены на оставшиеся площади в правой стороне.

Однако уже тогда было понятно, что и это лишь временные меры. Ответственные за организацию лагеря лица не скрывали, что их основной целью на начальном этапе является «освобождение всех занимаемых помещений в стенах монастыря вплоть до закрытия собора <...> т.к. содержание заключенных требует безусловной изоляции» [4. Л. 1]. 22 августа было принято постановление коллегии губчека, в соответствии с которым коменданту лагеря предписывалось «немедленно приступить к выселению и об исполнении сего донести в Комиссию» [5. Л. 81].

В течение последующих нескольких недель «при напряжении всех сил коменданства и при содействии губчека» монастырь был ликвидирован, собор закрыт, население выселено или арестовано. При ликвидации монастыря имущество его бывших обитателей, вплоть до мебели, квартирной обстановки, одежды, кухонных принадлежностей и мелкой утвари, было реквизировано и передано лагерю.

В соответствии с инструкцией для организации службы караула, объявленной 9 августа, «вынос каких бы то ни было вещей из монастыря» должен был производиться «только по разрешениям, выдаваемым комендантом», а караул был «обязан точно сверять проносимые вещи с разрешением и обо всех неправильностях доносить коменданту» [Там же. Л. 98 об.]. В ответ на это решение, по

словам коменданта, началось «нечто неподдающееся описанию», а именно: «тайные хищения всякого рода вещей, <...> перекидывание тайно-похищенных вещей днем и ночью через стены монастыря, стремление пронести эти вещи тайно мимо часовых, причем в этом случае употреблялись разные способы: подвешивание вещей, обматывания кругом туловища и т.п.» [4. Л. 1].

Служащие концентрационного лагеря проводили постоянные обыски, досмотры и задержания. Задержанные, после составления актов, передавались в губчека, чей представитель был срочно командирован в лагерь для организации «учета и охраны государственного достояния». Эта проблема, оказавшаяся полной неожиданностью для администрации лагеря, стала в начальный период одной из сложнейших для разрешения. Она, по признанию коменданта, постоянно отвлекала «от прямых обязанностей и не давала буквально ни днем ни ночью покоя» [Там же. Л. 1 об.].

Таким образом, учет монастырского имущества проходил больше месяца в довольно сложных условиях для администрации лагеря. 11 сентября агент секретно-оперативного отдела губчека И. Ковнеров и заведующий хозяйственной частью лагеря И.Н. Малафеев составили инвентарный акт, в котором перечислялось все имущество, отобранное у монастыря и переданное лагерю. Список включал 156 разных стульев, 31 кресло, 114 кроватей и т.д. Причем в этом документе отмечалось, что «все отобранное при выселении монашек вещи и предметы почти не представляют никакой ценности ввиду их старости и ветхости». Однако впоследствии комиссией Рабоче-крестьянской инспекции, работавшей в лагере в 1920 г., было признано, что акт «не отвечает действительности» и многие значащиеся в нем вещи были «очень ценны» [6. Л. 20–20 об.]. Но на момент организации лагеря на имущество смотрели только с практической стороны. Хозяйственная жизнь нового учреждения строилась почти с нуля в отсутствии всяких средств, в условиях разрухи, голода и Гражданской войны. Этим объяснялась упорная и жесткая борьба за максимальное сохранение материальной базы, доставшейся от бывшего монастыря, которую вела администрация лагеря.

Заключенные начали активно поступать в лагерь практически сразу после открытия. Только за первые полтора месяца деятельности лагеря через него прошли более 1 000 человек. Первая партия в количестве 33 человек прибыла из Рязанской губернской тюрьмы уже 2 августа. В основном это были заложники и левые эсеры, лишенные свободы по постановлению губчека и ревтрибунала. 12 августа из Рязанской губернской тюрьмы и Рязанского исправительного арестного отделения для дальнейшего заключения прибыли еще более 50 человек, в основном уголовных, осужденных на сроки от 1,5 года до 15 лет.

Однако основная масса заключенных, прибывших в лагерь в течение августа и сентября, поступила из губчека в качестве политических заложников. По свидетельству коменданта, среди них были «бывшие крупные

землевладельцы, торговцы, кулаки, простые лапотники, спекулянты, противники Советской власти и т.п.» как из Рязани, так и из уездов Рязанской губернии. В списки контрреволюционеров попадали и священнослужители. А с 23 августа, в связи с введением военного положения в Рязанской губернии, по словам коменданта, «прилив заключенных усилился в такой степени, что администрация лагеря с большим напряжением сил успевала регистрировать направленных в лагерь» [4. Л. 2].

Каждый день, за исключением праздников и выходных, администрация лагеря распределяла заключенных на работы по заявкам различных советских учреждений. В городе в основном требовались чернорабочие и канцелярские работники. Кроме того, заключенные направлялись на лесозаготовки, ремонтные, строительные и сельскохозяйственные работы в различные населенные пункты губернии. Рабочий день заключенных лагеря длился с 9 до 18 часов с обеденным перерывом. Из заработанных сумм четверть выдавалась им на руки, а остальные деньги поступали на счет лагеря.

Осенью 1919 г., через несколько месяцев с начала деятельности лагеря, среди населения стали распространяться слухи о том, за монастырскими стенами происходят массовые расстрелы священнослужителей и истязания заключенных. В условиях, когда фронт приближался к границам губернии, подобные слухи, вызывавшие, по оперативной информации губчека, «чувство возмущения и повышавшие религиозное чувство» среди населения, не могли не тревожить местные органы власти, тем более что о них стало известно и в Москве.

Партийное руководство посчитало, что их источником могли послужить действия администрации лагеря. Поэтому 4 октября в Рязанский концентрационный лагерь для выяснения обстоятельств была направлена специальная комиссия во главе с уполномоченным ЦК РКП С. Мцкевичем. Посетив лагерь, он нашел, что «многие заключенные в нем принадлежат не к тем слоям, с которыми ведет острую борьбу советская власть, крупной буржуазии и помещиками, а преимущественно к мелкой буржуазии, мелким землевладельцам, домовладельцам и торговцам, приказчикам и служилой интеллигенции; есть и лица из трудового крестьянства; среди заключенных есть несколько дряхлых стариков и старух». Проверяющий особо подчеркнул, что «среди заключенных довольно много попов», отметив при этом, что «арест попов, иногда популярных среди населения, усиливает их популярность и повышает религиозное чувство в населении, чем достигается результат как раз обратный желательному» [7. Л. 59].

В ходе проверки подтвердилась и информация о неправомочных действиях администрации лагеря. Действия эти являлись одним из эпизодов в борьбе руководства лагеря за «монастырское наследство» и в официальных бумагах фигурировали как «симуляция расстрела попов».

Произошло это при следующих обстоятельствах. В первых числах сентября 1919 г. одним из красноармей-

цев караульного отряда при лагере было замечено, что арестант по фамилии Питерский намеревался передать на сторону человеку какой-то сверток. Оказалось, что это была обыкновенная лампада, ценности из себя почти никакой не представлявшая. На вопрос, откуда он взял лампаду, Питерский ответил, что ему передал ее один из заключенных священников. Помощник коменданта лагеря И.Н. Малафеев велел собраться всем арестованным и потребовал, чтобы виновный в краже лампады признался. Он пригрозил, что, в противном случае, не останется перед расстрелом. Однако никто не признался. Тогда Малафеев «приказал всех попов поставить к стенке, вызвал команду, выстроил ее и таким образом разыграл обычную сцену, предшествующую самому факту расстрела» [Там же. Л. 43]. В этот момент заключенный Питерский заявил помощнику коменданта, что священник, передавший ему лампаду, находится на работах в уездном городе Рязьке. После этого процедура «показательного расстрела попов» была прекращена.

Как впоследствии заявлял Малафеев, подобные действия он не считал преступлением, их ему «подсказывал долг истинного и честного работника», главной целью которого было «сбережение государственного достоинства». Со своей стороны он объяснял происшедшее следующим образом: «...прибытие заключенных сотнями, эвакуирование монашек меня окончательно сбивали с ног от бессонных ночей; я ловил и уличал лиц, взявших тайно вещи, и до 30 человек отправил в Губчека – все эти лица из монашествующих. Я неоднократно предупреждал заключенных не брать без позволения ничего, хотя бы ржавленный гвоздь. <...> К великому моему сожалению все просьбы предупреждения остались тщетны. <...> Взрыв нерв не выдержал границ, я сейчас же вызвал всех сотрудников, заключенных и команду и искал виновных, просил священников сознаться, а Питерского указать кто передал, но ни того ни другого не установил. <...> Наконец толкнула мысль предложить всем собравшимся, прав ли я буду за несознание в краже лампады людей, стоящих и проповедующих народным массам, как священникам дать наказание расстрел. Буквально никто не возражал против а получилось согласие. Тогда я приказал команде взять на изготовку, а священникам отделиться, но патрон не заряжал и здесь все обнаружилось. Питерский указал виновника – священника находящегося в Рязьке. Все заключенные были довольны открытием нового вора» [Там же. Л. 47–47 об.].

В результате проверки многие священники были переведены в другие места заключения или освобождены, а комендант лагеря А.С. Комаров и его помощник И.Н. Малафеев, несмотря на их революционные заслуги, «за действия, бессознательно дискредитировавшие Советскую Власть», были сняты со своих должностей и преданы суду Революционного Трибунала. Впрочем, в январе 1920 г. дело было прекращено, а виновные амнистированы.

Таким образом, как свидетельствуют документальные источники, слухи о расстрелах в рязанском концлагере,

хотя и имели под собой основу и со временем лишь обростали подробностями и вариантами, оказались искажением реальных событий, произошедших осенью 1919 г. Никаких массовых расстрелов священнослужителей и других заложников в лагере на всем протяжении его существования не проводилось. Документов, свидетельствующих об этом, не обнаружено. Рязанский лагерь, впрочем, как и система лагерей принудительных работ в целом, не предназначался для уничтожения политических врагов. Целью их создания и существования стала изоляция не только реальных, но и в «воспитательном плане» потенциальных противников, а также максимальное ис-

пользование их труда в условиях разрушенной экономики. В этом смысле, несомненно, созданные в условиях открытого политического противостояния ранние концентрационные лагеря являлись важнейшим репрессивным инструментом большевиков. Однако на тот момент, как показывают итоги инцидента с «симуляцией расстрела попов», представители советской власти, центральной и региональной, стремились утвердить в местах заключения подобного типа начала «революционной законности» и, насколько могли, контролировали и пресекали «творческую инициативу» представителей лагерной администрации, противоречащую этим началам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для иллюстрации приведем лишь несколько наиболее ярких примеров. На сайте «Наш город – Рязань» размещена следующая информация: «Некоторые краеведы утверждают даже, что за глухими кирпичными стенами бывшего монастыря приводили в исполнение даже смертные казни. Несчастных полосовали шашками, а трупы потом грузили на подводы и отправляли в район Скорбяшинского и Лазаревского кладбищ, где закапывали по ночам в наспех вырытых траншеях. Именно такая судьба постигла, якобы, бывшего министра внутренних дел царской России Григория Булыгина, умерщвленного 5.09.1919 г. «за реакционную политику в 1905 году» (URL: <http://ryaz.ru/gorod/index.php?nl=0&dt=1175781760>). На сайте «Прогулки по улицам Рязани» сообщается, что «среди арестованных: рязанский губернатор Кисель-Загорянский, городской голова И. Антонов, около 150 жандармов, другие уважаемые люди – ждали приговоров ревтрибунала» (URL: <http://ryazan-streets2005.narod.ru/vlad4.html>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 6.
2. Политические репрессии в Рязани. Путеводитель. Красноярск, 2011.
3. Эпплбаум Энн. ГУЛАГ. М., 2015.
4. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 544.
5. ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 464.
6. ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 1580.
7. ГАРО. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 1007.

Tarasov Oleg A. Academy of FSIN of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: socratia@yandex.ru; *Vasileva Svetlana A.* Academy of FSIN of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

THE AFFAIR OF «SIMULATION OF THE PRIESTS' EXECUTION» IN THE RYAZAN PROVINCIAL CONCENTRATION CAMP IN THE FALL OF 1919.

Keywords: Ryazan province; Civil war; Provincial Correctional Facility; Provincial Department of Forced Labor; Provincial Concentration camp; corrective labor policy.

The article is devoted to unstudied issues of the history of the penal system of Soviet Russia during the Civil War. During this period, two penal structures existed in a parallel: the first was the penitentiary system inherited by the Commissariat of Justice from Russian Empire; the second was the system of concentration camps of forced labor organized by the jurisdiction of the Commissariat of Internal Affairs. The aim of this article is to differentiate the typical problems and peculiarities of the system of concentration camps on an example of Ryazan province. The paper is based on the historical archive documents and materials, settled in the collections of the State archive of the Ryazan region and first introduced in the scientific circulation. The authors describe the organization of the Ryazan province concentration camps of forced labor. The authors draw attention to the fact that this problem is still poorly understood, and existing studies and journalistic materials quite often contain biased information and erroneous conclusions and evaluation. The article contains documented information about the number and social composition of the prisoners: convicted criminals, prisoners of civil war and deserters, “class enemies” and political prisoners from all over the province. The paper presents the characteristics of the regime of detention, the order of the day, and the characteristics of forced labor in the concentration camp. The authors report on the details the activities of the camp administration. The economic and material base of the concentration camp was organized on the basis of the Kazan Jawlensky female convent. The paper describes the dissolution of the convent, requisition of its property and the eviction of the nuns and residents. Of particular interest, according to the authors, is the reaction to the events that occurred in this period – the affair of “simulation of the priests’ execution”: the Deputy Camp commandant staged mass shooting of Orthodox priests. According to the authors, this case best describes the general direction of the penal and punitive policy of the Soviet state, the emerging new relationship between the Soviet government and the Church, but also punitive institutions in the extraordinary conditions of Civil War. Based on documentary sources, the authors came to the conclusion that the system of concentration camps formed during the Civil War was extraordinary and repressive. However, it differed from the later system of the camps of the era of mass repression of the Stalin era.

REFERENCES

1. Solzhenitsyn, A.I. (1991) *Maloe sobranie sochineniy* [Small Collection of Works]. Vol. 6. Moscow: Inkom-NV.
2. Blinushov, A.Yu. (2011) *Politicheskie repressii v Ryazani. Putevoditel'* [Political repression in Ryazan. A Guidebook]. Krasnoyarsk. Ofset.
3. Applebaum, A. (2015) *GULAG* [GULAG]. Translated from English by L. Motylev. Moscow: Corpus.
4. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-49. List 1. File 544. (In Russian).
5. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-49. List 1. File 464. (In Russian).
6. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-2639. List 1. File 1580. (In Russian).
7. The State Archives of Ryazan Region (GARO). Fund R-2639. List 1. File 1007. (In Russian).